





АНТОНИНА КРЕЙН



Улыбнись мне,
Артур Эдинбург



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К79

Иллюстрации на обложку и форзацы
Марии Исуповой (Marik)

Внутренние иллюстрации
Дарьи Дмитриевой (Markass)

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Крейн, Антонина.

К79 Улыбнись мне, Артур Эдинброг / Антонина
Крейн. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-172706-2

Ироничную искусствоведку Вилку перенесло в мир Гало, где набирают ход мрачные события, о которых жители местного университета старательно молчат.

Вилке предстоит не только выяснить, что тут происходит, но и разобраться со своей личной проблемой — с тем фактом, что в новом мире ей досталась роль фамильяра при молодом колдуне Артуре Эдинброге, который явно находится в центре грядущих событий. И который, хоть и невозможно хорош собой, но замкнут и одинок.

Университетский стиль преппи, юмор, тайны, история искусства и любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Крейн, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172706-2

УОРХОЛ, КАКОГО ЧЁРТА? 1



Я всегда знала, что в каждом коте скрывается тигр. Но не думала, что это следует понимать настолько буквально!

Поэтому, когда кот по имени Уорхол, взятый мной из приюта меньше месяца назад, вдруг начал расти и менять окрас, челюсть моя отправилась в далёкое путешествие по вертикали вниз, а сердце забилось, как тысяча гонгов в долине Ганга.

— Уорхол, какого чёрта? — застыла я, от неожиданности расплескав кофе.

Дело было у меня дома, в просторной светлой студии, выходящей окнами на зелёный двор. Сонная и крайне раздражённая, какой я всегда и бываю до наступления полудня, я шла от кофемашины к ноутбуку, чтобы приступить к созданию очередного онлайн-урока по истории западноевропейского искусства.

И вдруг начались такие... чудеса.

Кот, валявшийся в гардеробной и упоённо точивший когти о комод с туфлями, сначала тихо мяукнул, а потом вдруг зарычал. Его белая шерсть

окрасилась в рыжий с яркими чёрными полосами, килограммы начали набегать, как в страшном сне старлетки, а зубы отросли, будто кинжалы. Но взгляд у Уорхола оставался всё тем же: меланхолично-циничным взглядом помойного жителя, не так давно обретшего благополучие (надеюсь) в моей квартире.

И ладно бы странности с котом, но гардеробная ещё и наполнилась пением.

Хор низких мужских голосов, доносящихся неизвестно откуда, пел а капелла на неизвестном мне языке. Это точно была не латынь (гарантирую, ибо сама я *exegi monumentum* знаний в университетские годы), но явно что-то, обладающее таким же багажом аллюзий. По-настоящему древние языки нельзя не признать: в каждом их звуке — угасшие жизни поколений, кровопролитные войны, смерти, клятвы, мольбы и предательства...

В иных обстоятельствах я бы с интересом вслушалась в мелодику языка — и сами голоса, и песня были чарующими, поистине колдовскими, — но в тот момент сюрреализм ситуации заставил меня лишь безмолвно таращиться на происходящее всё расширяющимися глазами.

Подвесной потолок гардеробной заходил волнами, а по полу пополз багровый туман. Шкафы с одеждой мелко затряслись, от страха отплёвываясь вешалками. Кот продолжал превращаться в тигра, пение становилось всё громче, и я, глядя на всё это, поняла, что стремительно перестаю быть скептиком.

В сердце стучало и горячило кровь лишь одно слово: *магия*.

...Вокруг кота вспыхнул огненный контур пентаграммы.

И тогда что-то во мне переклинило. Нет бы продолжить стоять столбом или отойти, не мешая тёмным силам делать своё странное дело, или, на худой конец, заснять всё на видео и отправиться с этой записью либо к психологу, либо в социальные сети, а лучше всего — и туда, и туда разом.

Нет. Вместо этого я выругалась, с грохотом брякнула чашку о стол, перепрыгнула пробивающийся прямо из пола огненный всполох и вытолкнула удивлённого кошака-тигра наружу.

Чёрт его знает, зачем я это сделала. И почему бывший Уорхол мне это позволил вместо того, чтобы свежесобранными зубами откладывать мне что-нибудь важное. Голову, например (впрочем, и без того явно потерянную).

Однако Уорхол вывалился прочь из пентаграммы, а вот я осталась стоять в её центре, уперев руки в колени и несколько отстранённо отмечая, что пламя поднялось высоко-высоко, почти до потолка, но почему-то не поджигает шкафы. И правильно делает. Молодец пламя. Так держать.

Наконец загадочное пение оборвалось, сменившись звонким ударом, — так на аукционах молоточками долбят «Продано!» — только гораздо жёстче.

Мир вспыхнул и потух.

Какое-то время я пребывала в благословенной тьме. Кажется, я висела где-то, в каком-то пространстве, инстинктивно свернувшись в клубочек, как эмбрион. Верха или низа здесь не было; света и звука — тоже. Я ничего не видела и не

слышала — только чувствовала, как зубы отбивают рваный панический ритм, а руки обхватили колени так крепко, что, кажется, их не смог бы разжать и титан.

«Вилка, ты просто бестолочь, — обречённо подумалось мне. — В следующий раз досчитай до десяти, прежде чем что-то предпринимать. Хотя нет, так ты станешь чересчур тормознутой для экстренных ситуаций... Ладно, тогда просто смирись с этой ролью: бестолочь. Приз за отсутствие инстинкта самосохранения уходит тебе».

Пока я себя то ли чихвостила, то ли утешала, в темноту закрался странный скрипучий голос.

— И да станет сия сущность сосудом для сил ваших, сир, отныне и во веки веков, пока смерть её не разделит вас, — провозгласил он торжественно. — И да будете вы заботиться о сущности сей, и да будет она поддерживать вашу мощь, жизнь свою положив на благо ваше. Аймен!

— Аймен, — ответил ему другой голос, куда моложе.

— Вы готовы узреть своего фамильяра? Он уже в межпространстве, ждёт встречи с вами.

— Я готов.

— Узрите!

И тут же я ощутила, как в моё бытие возвращается гравитация — лучше бы свет, честное слово, — и полетела вниз, визжа и кувыркаясь, а потом шлёпнулась животом на холодный мраморный пол. Удар чуть не вышиб из меня дух, но я всё же нашла в себе силы кое-как перевернуться: тому изрядно способствовали разрозненные возгласы удивления и парочка криков гнева.

Я снова лежала в центре пентаграммы. Но на сей раз не у себя дома, а в огромном тёмном зале со сводчатым потолком. Идеальный образец пламенеющей готики. Любо-дорого посмотреть! Причём не церковь, что обычно первым приходит на ум, а библиотека: бесконечные шкафы из красного дерева, изящные лестницы, узкие витражные окна с изображениями ключей и свитков, низкие лаковые столы и кресла из потёртой кожи.

Но в них никто не сидел, нет. Никто не читал под светом зелёных ламп.

Все присутствующие, а их было немало, стояли вокруг меня толпой и, кажется, готовились дружно рухнуть в обморок.

— *Это ещё что такое?!* — выдохнул старик в мантии, находившийся ближе всех к пентаграмме.

Судя по всему, это его голос произносил прежде странную, будто свадебную, клятву.

— Вот и мне интересно, мастер Говерик. Потому что всё выглядит так, будто это — мой фамильяр, — напряжённо изрекли где-то у меня над затылком.

А ЖИЗНЬ ВООБЩЕ НЕСПРАВЕДЛИВА 2



Я кое-как села и обернулась, чтобы увидеть говорившего.

Стоило мне сделать это, как огонь принялся расти вверх и вширь, пытаясь отсечь меня от окружающих. Одновременно с этим премудрый старец и ещё несколько особо трепетных личностей пря-

нули в стороны, делая какие-то размашистые жесты руками – своеобразный аналог христианского креста.

А вот человек, заявивший, что я – его фамильяр, никуда не двинулся. Даже не шелохнулся, невозмутимо продолжая стоять прямо на полыхающей границе, тогда как остальные находились снаружи. Огонь жадно облизывал его со всех сторон, заключая в трепещущую алую рамку, но не причинял видимого вреда. Щурясь от света и обещая себе устроить истерику попозже, а пока – собрать максимум информации о происходящем, я разглядывала незнакомца. Он – меня.

Он был молод, лет двадцати пяти, наверное. Стоял, скрестив руки на груди, выдвинув одну ногу чуть вперед и подозрительно прищурившись. Высокий. Подтянутый. Темноволосый и слегка растрёпанный, хотя мой глаз, намётанный на уход за собой, видел: парень честно пытался пригладить это безобразие разными лаками, но оно так же честно вырывалось наружу.

Он был одет в шерстяной костюм английского покроя: брюки, рубашка и жилетка с твидовым галстуком, спрятанным под неё. На груди юноши поблёскивал латунный значок в форме какого-то герба, который мне никак не удавалось толком рассмотреть из-за пляшущих вокруг языков пламени.

Возможно, он студент? Аспирант? Что-то ещё в этом духе? Всё вокруг атмосферой напоминало старый добрый Оксфорд.

– Ты не похожа на тигра, ммм? – сузил глаза незнакомец, постукивая круглым мыском ботинка по мраморным плитам.

Если старики боялись меня, то он, очевидно, пребывал в глубочайшей задумчивости из-за случившегося. Но на меня всё равно априори смотрел как на врага — видимо, на всякий случай. В целом в его манере двигаться и одеваться явно прослеживался сдержанный характер, сейчас обратившийся неприятной ледяной замкнутостью.

— Мой кот тоже не был похож на тигра, пока вы его не извратили, — тряхнув головой, в тон отозвалась я. Потом соскреблась с пола, мимоходом отметив, что никаких лингвистических проблем у нас с местными жителями не возникло.

Хотя стоило мне задуматься об этом, как меня защекотало странное и неуютное ощущение того, что на самом деле я говорю на каком-то совершенно ином языке, не соответствующем ни одному из земных наречий. Просто в моём мозгу появился фильтр — шустренький и трудолюбивый, переводящий всё так быстро, что я не успевала даже замечать его работу...

Между тем пламя поднялось ещё выше, но я уже определила для себя, что оно безвредно. Поэтому, прижав руку ко лбу, я шагнула вплотную к огненной стене, в противоположную сторону от парня, желая получше рассмотреть происходящее снаружи:

— Кто вы такие?

— Дерзновенная! — хором завопила стоящая снаружи толпа старикашек, отшатываясь ещё чуть дальше и «крестясь» ещё энергичнее.

Я вдруг заметила интересный момент — у них у всех с собой были животные. Те, что поменьше — крысы, белки, ящерицы и птицы, — сидели на плечах хозяев или выглядывали у них из карма-

нов. Те, что побольше — коты, собаки, лань (лань! ничего себе!), мангуст и что-то вроде птеродактиля на диете, — сидели рядышком на полу и честно скалили на меня зубы.

— О господи... Только не говорите, что мы в «Северном сиянии» Филипа Пулмана, — я вновь обернулась к молодому человеку: он единственный пока сохранял спокойствие.

Нехорошее, ледяное, но всё же спокойствие.

— Где? — ещё на пару градусов холоднее пере-спросил он, щелчком пальцев стряхивая со своего плеча совсем уж наглый огненный язычок.

— В книге про людей, чьи души спрятаны в животных. Британское фэнтези, — уже жалея, что завела эту бесперспективную тему, вздохнула я.

С парня вдруг как рукой сняло всю его недоступность. Он вполне по-человечески, живенько так застонал, расплетая руки на груди и вцепляясь ими в волосы.

— Ты что, с Земли?! — простонал он на сей раз со словами, так убито, что я устыдилась.

— Она с Земли?! — паническим эхом отозвались старикашки, уже столпившиеся где-то вдалеке, на выходе из условной библиотеки.

Только тот, которого звали Говерик, остался маячить рядом, как очень виноватый осёл. Из рукава его пиджака выглядывала озадаченная змейка.

То, что все они знали нашу планету, одновременно утешало и озадачивало.

— Ну да, — я растерянно нахмурилась. — Оттуда.

— Второй землянин в университете... — про-бормотал колдун Говерик. — Мы этого просто не выдержим! Они же невыносимы!

— Кто, мать вашу, настроил телепорт на Землю?! — тут же вспыхнул какой-то старичок поодаль. — Мы не работаем с этими козлами!

— Я-я-я-я... — донеслось совсем издалека. — Там лучшие тигры, и я подумал, что...

— Нам конец!

— А что с ней делать-то?!

— Дайте мне валерьянку!

— Простите, ну простите!...

Шум поднялся невообразимый.

Я, в первый момент совсем растерявшись, теперь поджала губы:

— Может, вы всё-таки объясните мне, где мы и что происходит?

Все мгновенно замолкли и вновь уставились на меня с опаской и недоверием, но на мой вопрос никто не спешил отвечать. Прошло несколько томительных секунд, пока наконец парень, чьего имени я так и не узнала, легко шагнул вперёд и неожиданно оказался прямо передо мной.

— Объясняю, — донельзя мрачно сказал он, положив руки мне на плечи. Я, ошарашенная его внезапной близостью, попыталась спастись в языках трепещущего за спиной пламени. Стало ещё хуже: огонь, весело запрыгавший вокруг нас, лишь добавил жуткую нотку преисподней в атмосферу нашей беседы. — Если коротко, то у тебя огромные проблемы.

— Почему?! — опешила я. — Потому что я явилась вместо тигра? Так это же вы меня вызвали! Сами!

— А жизнь вообще несправедлива, — проворчал незнакомец и вдруг очень нежно провел рукой по моей шее.

Касание было настолько деликатным — будто пёрышком, — что у меня невольно перехватило дыхание.

— Dorenmi, — проговорил юноша, и я уснула, упав ему на руки.



3 У БОЛЬНИЦ ЕСТЬ ЗАПАХ

У больниц есть запах — и с этим согласятся не только те, кто лежал в них или навещал там кого-нибудь, но даже те, кто просто видел их в кино. Этот запах проникает сквозь экран. И сквозь миры, судя по всему, тоже.

Я поняла, где нахожусь, ещё до того, как открыла глаза.

А открыв их и увидев, что меня окружает, убедилась в правильности своего вывода: белые, туго затянутые койки, шкафчики, полные склянок с лекарствами, и хорошенькая медсестра в крахмальном наряде и чепце с полями, загнутыми, как крыша пагоды. Меня по-прежнему окружало такое же царство готики, как и в библиотеке, но здесь интерьер был выполнен в светлых тонах.

— Привет, — кивнула мне медсестра.

— Привет, — ответила я. — Жутковато, что ты стояла тут и смотрела, как я сплю.

— Это моя работа, — просто сказала девушка и присела на краешек кровати.

Вблизи стало видно, какое симпатичное у неё лицо: типаж Энн Хэтэуэй. Глазищи огромные,

губы улыбочивые, и что-то вроде сострадания (что совсем не лишнее для медсестры) сквозит в общем облике.

В руках она держала фарфоровую чашечку с таблетками.

— Меня зовут Мэгги, — представилась медсестра.

— Я Вилка.

Она непонимающе нахмурилась:

— Столовый прибор?

— Нет, Виолетта.

— Фиалка?

— Хм. Ещё можно Ветка — это тоже сокращение, — но, боюсь, и оно тебе не понравится, — немного смешалась я.

— Мне всё нравится! — энергично запротестовала Мэгги и накрыла своей ладонью мою. — Особенно то, что ты с Земли. Я просканировала твой мозг, твоё прошлое — таково было задание от ректора, — и я в полном восторге. Люблю землян, хотя 99% жителей университета со мной не согласятся.

Я села в кровати, и Мэгги тотчас отобрала у меня подушку, чтобы взбить её как следует. Честно говоря, она слегка пугала меня своим дружелюбием.

— Мэгги, может быть, хоть ты расскажешь мне, что тут случилось? — вздохнула я, устало потирая глаза.

На моих пальцах мерцали какие-то невесомые, похожие на пластиковые перстни с переливающимися кристаллами. Кажется, местные аналоги измерителей кислорода и прочих больничных датчиков.

Ещё меня переодели. Ни любимых джинсов, ни свободной белой рубашки, в которой я распекаю по дому, ни тапочек с помпонами.

Вместо этого на меня надели огромную ночнушку-колокол белого цвета. Приподняв одеяло, я увидела, что по подолу идут нарядные рюши. И волосы — мои русые волосы заплели в то, что называют колоском. Коса щекотала мне шею и доходила до груди.

Пока я с миной недовольного покупателя оценивала свое преобразование, Мэгги сбегала за кофе. Потом снова села на край кровати и — ура! — заговорила:

— Мы находимся в магическом университете под названием Форван. Это самое замечательное учебное заведение для магов в нашем мире. А наш мир называется Гало, но ты вряд ли о нём слышала: от Земли до нас далеко, а у вас ведь нет магии.

Я вспомнила свою соседку — предприимчивую старушку Клавдию, продающую всем расклады Таро и называющую плату за это не «ценой», а «обменом энергией». И приятельницу Михаэлу, голодающую по тридцать дней, чтобы распахнуть наконец-то все семь чакр сразу и телепортироваться прямым ходом в Убуд.

— Магии нет, — подтвердила я.

— А у нас есть. А ещё, хотя мы сами пока и не особенно умеем путешествовать в другие миры, мы уже научились вызывать из них предметы и фамильяров. Фамильяры — это магические животные, которые содержат в себе часть нашей магической силы, чтобы давать нам её, когда нужно.

Одновременно с этим отданная фамильяру сила постепенно копится в нём, по чуть-чуть...

— Это как вклад в банке с частичным снятием? — прикинула я.

Не то чтобы я не знала, кто такие фамильяры — фэнтези я в своё время перечитала немерено. Но лучше уточнить: не всё и не всегда во вселенной идёт по канону. И слава богу.

— Именно! Как вклад! — радостно согласилась Мэгги. — То, что дано фамильяру в момент призыва, колдун не может забрать обратно — в этом случае фамильяр умрёт. Но остальную силу можно вкладывать и забирать без проблем. Так, в тебе теперь есть часть энергии Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего.

— Кого? — опешила я от столь громкого имени.

Мэгги надулась и повторила с такой интонацией, будто отчитывала меня:

— Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего — лучшего студента нашего университета.

— Это такой взъерошенный красавчик?

— Да, — Мэгги заулыбалась. — Ему должны были вызвать волшебного тигра, а получилось тебя. Это плохо: теперь вы связаны, и пока эту связь не разорвёшь, Артур не сможет получить нового фамильяра. У всех зрелых магов есть фамильяры — это традиция, а уж в случае Артура... — она запнулась, подбирая слова. — В случае Артура это особенно важно.

— Почему? — Я нахмурилась. — И почему у тебя самой нет фамильяра?

Мэгги изящно проигнорировала первый вопрос, но на второй ответила:

— Я учусь на четвёртом курсе, на кафедре целительства. А фамильяров мы получаем в конце пятого года обучения. Нам даётся несколько недель на то, чтобы привыкнуть к ним, после чего уже с фамильярами сдаются финальные экзамены. Без фамильяров — не вариант.

— Так, ладно. И что теперь делать? Как порвать нашу с Артуром связь?

— Ну, проще всего тебя убить, — улыбнулась Мэгги. — Сейчас принесу тебе каталог возможных вариантов казни, выберешь по своему вкусу.



4 ПРОСТЫХ ПУТЕЙ НЕ ИЩЕМ – И СЛАВА БОГУ!

Я много раз видела в интернете ролики, где люди под действием адреналина делают чудные вещи: поднимают машины, бегут быстрее Усейна Болта или высказывают начальнику в лицо всё, что о нём действительно думают... Оказалось, я тоже не из робкого десятка.

Услышав слова Мэгги про то, что меня следует убить, я резво слетела с койки, запрыгнула на соседнюю и, скача прямо по кроватям, составленным в ряд, с боевым кличем индейцев апачи рванула прочь.

— Э-э-э... — протянула Мэгги где-то сзади. И отчаянно крикнула мне в спину: — Да не бойся ты! Я просто пошутила!!!

Хреновое же у тебя чувство юмора, Маргарет, если так.

В общем, на всякий случай я ей не поверила.

Ведь я, судя по всему, — типичная «попаданка», как это принято называть в современном фэнтези. И пусть книги о девушках, провалившихся в другую реальность, никогда не привлекали меня как читателя, изредка я оказывалась втянута в процесс их создания. Одна моя подруга пишет такие романы — очень простые и очень востребованные — и иногда является ко мне в студию, разводя руками: «У меня небольшой затык в сюжете. Можно я *об тебя подумаю?*» И хотя в её умненькой голове бродит немало восхитительно-диких идей, чаще всего для своих историй она выбирает простые, как топор, шаблонные решения. Так принято в её нише лёгкой литературы, в которой она уже преуспела и на которую подседа, не решаясь экспериментировать с чем-то другим из-за риска провала. Она нередко меланхолично шутит о том, что продать свободу в обмен на славу было самым смелым решением в её жизни. И может быть, самым глупым. С другой стороны, эти книги приносят радость читателям. Весьма простую, односоставную, зато быструю, как бокал шипучего шампанского.

Так или иначе, я знала, что большая часть типичных сюжетов про попаданок сводилась к двум крайностям: либо попаданку пытались уничтожить, либо соблазнили.

Соблазнять меня Мэгги вряд ли станет, а вот убить уже пообещала. Так что пошутила она или нет, а я сваливаю. Койка, койка, прыжок, еще койка.

Впрочем, далеко убежать не получилось.

Я домчалась до высоких резных дверей в конце зала и распахнула их. Впереди ждала воля, пахнущая книгами и стариной, а мной двигала безбашенная смелость человека, попавшего в сказку.

Кто же знал, что в сказке будет порожек.

Незаметный.

Как в дурной комедии, я полетела вперёд и вниз, морально готовясь второй раз за день встретиться с полом. Но нет. Дурная комедия вдруг превратилась в мелодраму: кто-то бросился ко мне сбоку с невероятной скоростью, чьи-то руки успели подхватить меня и резко вернуть в вертикальное положение. Потом спаситель так же нечеловечески шустро сделал шаг назад и застыл с мрачной рожей: мол, не было ничего, вам показалось.

...И только в воздухе остался мерцающий серебристый след, признак свершившегося колдовства.

Меня спас не кто иной, как Артур Ван Хофф
Что-то Там.

Высокомерный фронт стоял навтыяжку в лучах солнечного света, проникающего сквозь высокое арочное окно, а рядом с ним в тени горбился другой знакомый персонаж: крючконосый мастер Говерик.

Я посмотрела на них, вздрогнула и деловито кивнула:

— Спасибо! А теперь мне надо идти, — что бы это ни значило в моём положении.

После чего попыталась шагнуть прочь. Чёрта с два! Артур протянул руку и схватил меня за плечо.

— Стой, — сухо произнёс он.

С тем же успехом он мог ничего не говорить: его хватка — безболезненная, но совершенно стальная — в любом случае не оставляла мне шансов.

— О'кей. Стою, — пробормотала я и, чтобы исправить неравную ситуацию, гордо задрала подбородок.

Наши взгляды встретились — по-настоящему, надолго, впервые с момента моего появления в этом мире, — и я вдруг отчётливо поняла, что разразилась *катастрофа*.

Я всегда была падкой на красоту — поэтому и стала искусствоведом, — и вот при ближайшем рассмотрении оказалось, что рядом с Артуром я совершенно не могу нормально функционировать.

Мы уже выяснили, что в общем и целом он выглядел хорошо: презентабельно, слегка чопорно, так и хочется вырезать этого типа из местного интерьера и вставить в какой-нибудь эстетский сериал о студентах-гуманитариях.

Но теперь, заглянув ему в глаза, я осознала, что у меня реальные проблемы. Несостоявшийся художник во мне требовал рисовать этого чужака, а не ругаться с ним. Рисовать, любоваться, описывать всевозможными метафорами и, может, ваять в мраморе...

Лимон и мёд, а не глаза, вот что это было. Паточка и карамель. Тридцать тысяч тонн ледяной нуги, соблазнительной и будто обжигающей, столь она холодна; бездонный провал в другое измерение, полное шелков, кашемира, коньяка и солнечного света на закате.

Кажется, Эдинбург порядком удивился, когда чокнутая землянка замерла с таким ошарашенным

выражением лица. Я сумела моргнуть, только когда в дверях показалась запыхавшаяся, раскрасневшаяся Мэгги. Догнала-таки.

— Я просто... Попробовала... Пошутить, говорят, земляне любят чёрный юмор... Сказала, что... — Мэгги кратенько пересказала наш недавний диалог. — А она...

Артур покосился на мастера Говерика. Тот пожал плечами и набросил на седую голову капюшон: я в домике.

Артур закатил глаза, потом сузил их и мрачно сказал Мэгги:

— Чувство юмора у тебя отстой.

Я было одобрительно кивнула, но колдун тотчас перевёл суровый взгляд на меня:

— Никто тебя не будет убивать. А жаль: это было бы очень удобно.

Ах ты, засранец.

Поджав губы, я максимально независимо дёрнула плечом:

— Ну и каков тогда план? Как я понимаю, вы все тут не очень-то рады, что вызвали меня вместо тигра? Кстати! — Я всполошилась, вдруг вспомнив о своём коте и квартире. — А что сейчас с Уорхолом?! Предназначенный для другой планеты зверь в новостройке — это же кошмар! Кого хотя бы вызывать в такой ситуации — МЧС? Гостбастеров? НАСА?

Глаза Артура в очередной раз наполнились изумлением, но он тотчас же профессионально его потушил. Мастер Говерик проворчал что-то вроде «Изыди, дух землянский!», а Мэгги достала блокнотик и записала туда пару слов. (Как я узнала позже, она собирала словарь иномирных терминов.

Мой краткий бенефис дал ей аж четыре новые штуки. Мэгги была довольна.)

— Тигр превратился обратно в кота, — мрачно ответил Ван Хофф Гордый. — Ты забрала себе всю энергию, которая должна была закрепить его новый облик. *Мою* энергию, между прочим.

Жлоб.

— Когда животное становится фамильяром, его физические показатели улучшаются, чтобы он стал достойным своего *хозяина*.

— А почему мне новый облик не достался? — переспросила я, стараясь не морщиться при слове «хозяин».

— Видимо, ты и так достойна! — радостно заявила Мэгги, и Артур с Говериком немедленно смерили её такими взглядами, что медсестричка охнула и сразу же удалилась лунной походкой.

То, что кот снова кот — радует. А вот то, что он там один — не очень. С другой стороны, завтра утром ко мне должна прийти Марья Петровна — она трижды в неделю помогает мне с глажкой, готовкой, закупками и прочим.

Да-да, я из тех людей, кто, даже живя в студии, пользуется услугами приходящей домработницы. *Ненавижу* домашние дела. Лучше я заплачу кому-нибудь за их выполнение, а сама заработаю денежный эквивалент каким-то более приятным для меня способом. Фриланс тем и хорош, что я могу выбирать. Даже больше: жизнь тем и хороша, что мы можем выбирать.

Но я отвлеклась. Итак, будущее кота в надёжных натруженных руках Марьи Петровны — она его точно покормит. А вот моё будущее...

— Итак, землянка, что касается плана... — прокряхтел мастер Говерик. Змея — его фамильяр, который я успела разглядеть ещё во время вызова, высунулась из рукава мантии и нежно обвилась вокруг руки старика.

— Безопасно разорвать вашу с Артуром связь — наша конечная цель, но мы не сможем сделать это раньше конца июня, — продолжил он. — Сначала придётся тебе помочь ему сдать финальные экзамены, увы.

— Почему? Разорвите связь сейчас и вызывайте ему другого тигра. Проверните всё быстро. В чём проблема?

— В том, что...

Но договорить он не успел. Где-то вдалеке, в глубинах здания вдруг раздался низкий тихий гул. Артур и Говерик встревоженно переглянулись. Гул тем временем всё нарастал, пока не завершился рокочущим звоном — будто разбили медную джазовую тарелку.

И тотчас же — крики, какой-то грохот... Завизжала сирена. По всему коридору начали распахиваться двери, из них толпами потекли студенты, профессора, многие — в сопровождении фамильяров.

Непонятно откуда — как будто отовсюду сразу — зазвучал мягкий женский голос:

«На университетский кампус напали.

Повторяю: на Форван напали.

Прорыв на нижних уровнях главного здания.

Всем студентам укрыться в комнатах Защиты.

Профессору и Младших Мёрклых мы ожидаем к бою».

Что?!

Мастер Говерик неожиданно прытко выхватил из складок мантии какой-то изящный ключ и кинул его Артуру.

— Спрячьтесь в моей защите! — рявкнул он. — Вместе с фамильяром! Не вздумай высовываться, Артур! Ты должен быть в безопасности!

Змея извивалась у него в рукаве. Без дальнейших объяснений старик помчался прочь, на ходу колдуя что-то грандиозное: шипящее и плюющее искрами.

Здание тряслось и стонало. Артур без лишних слов схватил меня за руку и потащил прочь, расталкивая толпу. Я оглянулась на бегу и увидела, как Мэгги захлопнула двери в лазарет. Тут же они покрылись сетью каких-то чар, оскалившейся призрачными черепами.

— Что происходит?! — отчаянно пыталась выяснить я, но Ван Хофф Безответный упрямо молчал.

Вдруг лампы по всему коридору погасли. Чуть ли не на ощупь мы добежали до какой-то двери. Артур открыл её, втолкнул меня внутрь и сразу же захлопнул дверь снаружи. Здесь тоже не было света.

— Эй!!! — Я забарабанила по двери кулаками. — Да какого чёрта тут творится!!!

— Сиди здесь! — рявкнули с той стороны. — Юридически ты моя собственность, а значит, находишься под моей ответственностью. Я же присоединяюсь к бою.

— Собственность? Хам ты, Артур! Эй! Объясни мне, что происходит! Немедленно!!

Но снаружи уже никого не было.

Я осталась в полной темноте, но не тишине — за дверью продолжался бой...

Я села на пол и обхватила себя руками.



5 В УБЕЖИЩЕ

Это оказалось очень странным ощущением — сидеть неизвестно где, запертой в темноте, пока снаружи идет бой. Идеальные условия для того, чтобы впасть в панику.

Хотя поначалу я держалась довольно бойко, пружина страха сжималась во мне с того момента, как я увидела пламя в своей гардеробной. И сейчас она была готова распрямиться, пробив мне сердце насквозь ужасом осознания: Я. Неизвестно. Где.

«Магия же?» — снова с надеждой промелькнуло что-то в груди, какое-то давнее, забытое ощущение надежды на чудо.

«Задница», — мрачно подумала я в ответ.

Да, в детстве я обожала сказки и надеялась, что колдовство существует. Я помню, как клялась себе перед зеркалом, что, если увижу портал в другой мир — прыгну. Что ж, мечты сбываются. Забавно, что та установка вот так легко сработала во мне годы спустя.

Забавно и трагично, чёрт подери.

Потому что ни один взрослый человек, находящийся в здравом уме и твёрдой памяти, не захочет провалиться в другой мир без надлежащей подготовки. Да ещё и в роли чьего-то котика. Тем более (*бабах* за стеной!) в место, где идёт что-то вроде войны.

Смогу ли я вернуться домой? Как и когда? Кто напал на университет? Переживу ли я этот день?

Радовало только одно: дома меня никто не ждёт, а значит, некому обо мне волноваться. Суммарно меньше грусти во вселенной.

Хотя нет. Зачем я вру?

То, что меня никто не ждёт, не радовало *ни на грош*. Наоборот, вводило в ещё большую тоску. *Ты пропала, а миру всё равно. Кто ты после этого, если не жалкая неудачница?*

Вопреки всякому здравому смыслу я продолжала мазохистски пережёвывать эти бесплодные мысли и, в конце концов выбесив саму себя — ненавижу своё одиночество, ненавижу свою слабость, — я вслух зарычала. Потом, вспомнив, что негативные эмоции лучше проживать, а не копить, честно попробовала заплакать.

Как бы не так. Мне всегда было проще злиться, чем горевать.

— Твою ж мать, — процедила я тихо, а затем, набрав полные лёгкие воздуха, в отчаянии заорала, сжав кулаки: — АААААААА!!!! — как, бывало, просто писала эту букву в «Ворде», много строчек подряд, зажав кнопку и не отпуская её, пока, в свою очередь, не отпускаяло меня.

Стоило мне прерваться, чтобы набрать ещё воздуха, как рядом внезапно раздался мужской ехидный голос:

— М-да-а-а, вот так вопль! А я, когда услышал, что в университете появилась землянка, обрадовался. Думал, зажжём с соотечественницей! Кончилось моё одиночество! А тут, если мы что и зажжём, так это погребальную свечу, когда меня хватит удар от громкости твоего крика.

Я так и подпрыгнула.

— Кто здесь?

Раздался характерный щелчок, и напротив меня вспыхнула зажигалка. Над бледным огоньком я разглядела заросшее каштановой щетиной улыбочное лицо, огромный нос, густые брови и два весёлых чёрных глаза. Всё остальное тонуло во мраке.

— Я — первый землянин, познавший мир Гало и Форван! — гордо ответил чужак и шутовски поклонился, причём даже не поднимаясь на ноги. — Это из-за меня тут побаиваются наших. Тебе ведь об этом уже сказали, надеюсь? Не хочу, чтобы эти чудики преуменьшали мои достижения на ниве разрушительства. Я тут пол-университета как-то в руинах оставил. Твёрдо намерен закрепиться в летописях как Кошмар С Голубой Планеты. Гордись мной!

Признаться, я была ошеломлена.

— Хорошо. Горжусь. Может, хоть ты тогда сможешь мне всё объяснить?

— *Естественно*, — оскорблённо фыркнул весельчак, поднялся и протянул мне руку. — Если кто-то и может, то я. Только давай уйдём во второй круг Защиты, чтобы не слышать взрывов, — поморщился он, когда здание вновь трянуло. — Жаль, что этот придурок Артур не довёл тебя до комфортной безопасности. Он дико халтурит с дамами.

— Он не считает меня дамой. Он назвал меня своей собственностью, — наябедничала я.

— Я же говорю — придурок! — легко согласился парень.

Так между нами было установлено понимание. Я протянула незнакомцу руку.

Он сделал несколько шагов вперёд. Огонёк зажигалки выхватывал из темноты книжные полки, кресла, рабочий стол... Видимо, кабинет. Потом появился огромный люк, как в банковском хранилище. Землянин набрал код, открыл дверь и впустил меня внутрь. Потом зашёл следом и закрыл люк за нашими спинами.

Было всё так же темно, но теперь стало ещё и тихо.

— Сорри, света пока не будет, — парень уселся прямо на пол и приглашающе похлопал рядом. Я тоже села. Всё ещё в дурацкой лазаретной ночнушке, кстати. — Когда происходят нападения, все генераторы отрубаются. И живой огонь тоже не горит — только в моей зажигалке, потому что она иномирная.

— А что это за нападения? — напряжённо переспросила я.

Парень звучно почесал подбородок.

— Ну, если вкратце, то этот мир враждует с миром Тварей, как их тут называют. Эти Твари — всякая демоническая хтонь — то и дело нападают на Гало, надеясь прибрать планету себе. Открывают порталы и прут, размахивая щупальцами. А маги запихивают их обратно, — он пожал плечами.

— Ты так спокойно говоришь об этом...

— Здесь это бытовуха. Один-два раза в месяц нападают.

— Но... — я смешалась. — И что, люди *гибнут*?

— В Форване редко. Профессора в университете мощные, хотя выглядят как сморчки. Они легко отражают атаки. Жертвы бывают, если суются студенты.

— Но этот Артур — он как раз туда побежал. А он студент.

— Артур не считается, — фыркнул землянин. — Он всегда лезет в пекло и всегда выживает. Неубиваемый пацан с непробиваемым эго.

Весьма чёткое определение.

— А почему тогда мастер Говерик волновался о нём?

— Потому что Артур — большая шишка, сын крутого папочки, — буркнул землянин слегка оскорблённо. И засопел.

И я вдруг поняла, что допустила страшную ошибку. Вместо того, чтобы узнать побольше о своём собеседнике, я начала говорить о *другом* мужчине...

Эх, Вилка. Будто коучей в «Телеграме» мало читаешь.



6 ФИНАНСИСТ ВСЕЯ УНИВЕРСИТЕТА

Я поспешила исправиться. Мной двигали не только корыстные устремления: личность землянина действительно была мне интересна. Тем более, он обо мне уже кое-что знал — пока я валялась в лазарете, новость о моём появлении облетела весь кампус. «Воплощённое невезение Артура» — так меня успели прозвать, но это я обнаружила гораздо позже.

А пока мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я начала лучше различать своего собеседника. Землянин оказался достаточно высоким,

широкоплечим, волос у него было просто немелко: не только хипстерская борода, но и лохматая макушка. Эдакий секси-барашек с лукавыми чёрными глазами. Из одежды, кажется, что-то вроде жилета поверх светлой рубашки и кожаных брюк.

Парень явно сам от себя тащился. Таких категорически противопоказано обижать невниманием.

— Ну да что мы о сырых и местных! — откашлявшись, преувеличенно бодро заявила я. — Тебя-то как зовут, земляк?

— Бóрис Отченаш, — представился курчавый.

— Как?..

Он повторил это удивительное имя, а потом рассказал свою историю. Говорил он быстро и складно, было видно, что он не в первый раз выступает перед слушателем с этим моноспектаклем.

Бóрис — он же Бор — попал в Форван три года назад.

— Я здесь сразу освоился, потому что это далеко не первый мой переезд, — говорил Бór, наставительно подняв указательный палец. — Уже на Земле меня помотало. Я, знаешь ли, космополит.

Оказалось, он родился на территории бывшего СССР, а детство провёл в Литве, в городе Каунас. Играл в баскетбол, что было там весьма и весьма популярно. Потом семья эмигрировала в Штаты (баскетбол сменился на плавание). Оттуда они с завидной регулярностью уезжали в длительные командировки по Ближнему Востоку (не до спорта), а дальше Борис отправился за высшим экономическим образованием в Лондон (гольф). Закончил и... заскучал.

— В Лондоне заскучал? — с сомнением уточнила я. — Половина России тебя бы убила за такое кощунственное заявление.

— Истинно так, — резко кивнул Бóрис.

Щетина у него была как у медвежонка, и я всё ждала, когда её подпалит пламя зажигалки. Заискрится, наверное. Красиво будет.

— И, заскучав, я поехал в Москву. В иллюзорных поисках родины и, соответственно, лучшей жизни. Ведь мысль о том, что у тебя где-то есть родина, очень утешает. На неё можно повесить все свои житейские неурядицы. Убеждать себя: это здесь я неудачник, потому что я на чужбине. А вот как перееду домой, так сразу же заживу, человек человеком.

Я усмехнулась. Мои знакомые частенько говорили что-то подобное. И в то же время — противоположное. Хотели переехать, да.

Вот только из дома *куда-то*, а не *откуда-то* домой.

— И что, помогло? — спросила я, уже зная ответ.

— Не-а, — посетовал-подтвердил Борис. — Оказывается, побеги не работают, потому что от себя не сбежишь. В Москве мне было так же тухло. Я работал аудитором на Белой площади, а ночами кутил. А потом не кутил, а качался. Но смысла не обнаружилось ни в том, ни в другом. Зато он появился, когда я попал сюда! — Бор подмигнул.

...Это случилось так: однажды поздней ночью Борис возвращался домой и вдруг увидел, что скамейка в парке *ползёт*. Двигается боком прочь по дорожке, будто её тащит кто-то невидимый. При

этом скамейка слегка сияла синим цветом в стиле ранних фильмов Спилберга.

Борис заинтересовался и подошёл. Услышал странный шёпот — будто на латыни... И такое у него было тоскливое настроение, и так всё задолбало (особенно друзья, орущие, что он «зажрался и нормальных проблем не знает»), что он взял и сел на эту скамейку. Закурил. Включил «Twenty One Pilots» в наушниках.

Ехали они вместе с лавочкой по тропинке, ехали паранормально... А потом шёпот усилился, и вдруг — *бац!* — темнота.

И какое-то мгновение спустя Борис вместе со скамьёй вываливается посреди старинной учебной аудитории, обшитой дубовыми панелями и украшенной гербами. А в ней сидит полсотни студентов в щегольских костюмчиках и смотрит на него в ужасе.

— Потом они как начали визжать да разбегаться... — хмыкнул Борис. — А я что? Сижу, курю тихонько, удивляюсь. Оказалось, это была лекция по извлечению предметов из других миров. Тебе уже сказали, да? Тут умеют изымать вещи и животных. И всё. Каким образом они сумели перетащить меня — никто так и не понял, впервые такое случилось. В нормальной ситуации скамья бы пропала, а человек бы плюхнулся на землю задницей. Собственно, с тех пор я здесь и живу.

Я почувствовала, как у меня каменеет лицо.

— То есть за три года тебя так и не смогли вернуть на Землю? — неожиданно сильным голосом протянула я.

— Ну, вот так прямо с ходу не смогли, а потом, когда появилась возможность, уже намеренно возвращать не стали. Я сам сказал: не надо. Оказалось, что здесь мне самое место. И я счастлив, и университету со мной выгодно.

Я непонимающе нахмурилась. Из обрывков диалогов местных жителей у меня сложилось впечатление, что Борис — это огромная проблема, множественные разрушения и чёрное пятно на репутации всей Земли. Я сказала об этом собеседнику, и он горделиво зафыркал.

— Нет, Вилка, — он покачал головой. — В первую очередь я не проблема, а главный финансист. Я их денежный гуру, их бухгалтер от бога, их Энди Дюфрейн из Шоушенка и Волк с Уолл-стрит... В этом мире много хорошего, но с деньгами тут обращаются спустя рукава. А я начал разбираться. Улучшать. В общем, теперь я отвечаю за казну университета. Веду все приходы-расходы. Помогаю им наращивать капитал. Разбираюсь с банками, землями и так далее. Даже стипендии учредил! И кредиты на обучение. Они на меня молятся, считай. Почему я и говорю, что здесь у меня появился смысл жизни — я ведь действительно делаю что-то важное. Не бумажки в офисе перебираю, не какую-то трансконтинентальную маету на партнёрских ужинах обсуждаю, а воочию вижу результат своих трудов.

Я подозрительно сощурилась:

— Но почему тогда местные стонут при слове «земляне»?

— Дело в том, что за труды мне платят возможностью обучаться магии. А получается у меня...

бомбически, — развёл руками Борис. — Часто всё взрываю. Говорят, это из-за того, что я иномирнин. Якобы у землян не такая аура, как у местных, и поэтому заклинания получаются неправильно. Точнее, это у *местных* проблемы с аурой в последние пару тысяч лет. В этом мире, будь он хоть сто раз магический, есть свои факапы, помимо Тварей. Энергия тут... поистрепалась, скажем так, чтобы не вдаваться в лишние детали. Ну а ещё у меня так себе репутация, — предыдущую фразу он проговорил задумчиво и хмуро, но тут снова взбодрился и затараторил, — потому что я очень обаятельный! Это многих бесит.

— С чего бы это? — я вскинула бровь.

— Не могут смириться с тем, как быстро и решительно я увожу их девушек, — ухмыльнулся Борис. — И, пожалуй, фамильяров тоже... — промурлыкал он и хищно ухмыльнулся.

А потом подмигнул:

— Тише, — и погасил зажигалку.

Мне прямо как-то резко поплохело. Мы же заперты в железном псевдобанковском хранилище, да?... А все вокруг заняты войной?...

«Бестолочь», — в который раз за день саму себя припечатала я. На сей раз совсем безнадежно.

Голос Бóриса превратился в шёпот, когда он наклонился ко мне и тихо сказал:

— Не сопротивляйся, и я сделаю так, что Артур потребует приступить к разрыву вашей связи уже сегодня. Не дожидаясь конца июня. Потому что экзамены экзаменами, а он слишком щепетилен для некоторых вещей. Ты будешь свободна. Хочешь?



7 ПРОВЕРКИ-ПРОВЕРОЧКИ

— ... Всего-то и надо... Сама понимаешь, наверное, да?

Под конец голос Бориса расцветился всей палитрой хрипотцы, доступной половозрелым самцам.

Намёк был прозрачен до неприличия. Землянин еще и дополнил его жарким, чуть табачным дыханием с расстояния десяти сантиметров. Чтобы до меня уж наверняка дошло.

Какая мерзость.

«Естественно, не хочу», — содрогнулась я, явно чувствуя свою беззащитность в этой дурацкой лазаретной ночнушке.

Я приготовилась дать Борису отпор всей силой двухлетнего изучения джиу-джитсу. Конечно, я не в восторге от своего положения «зверюшки» и пока не знаю, чем оно мне грозит, тем более отягчённое дракой с местным финансовым гением, но подобные способы... Нет. Просто нет.

Некоторые вещи — табу для меня. И если Артур щепетилен в этом смысле — что ж, это в плюс Артуру.

— Только посмей меня тронуть, Борис, — громко и жёстко сказала я. — И поверь, последствия тебе не понравятся.

Мой голос, в отличие от пальцев, намертво вцепившихся в подол ночной рубашки, не дрожал, а звучал очень даже убедительно. Это радует.

Темнота ответила задумчивым молчанием.

А потом мне внезапно прилетел тычок по плечу. Я уж решила — да начнется бой не на жизнь, а на честь — как вдруг поняла, что это был дружеский жест.

— Молодец, Вилка! — добродушно и даже торжественно заявил Борис Отченаш, стремительно отодвигаясь. — Тест пройден.

— Извини, что?..

— У меня аллергия на шлюх и жертв. Хотел сразу проверить: есть ли у нас с тобой шанс на дружбу.

— И ты вот ТАК обо мне подумал?!

— Ты тоже ТАК обо мне подумала! — хохотнув, парировал Борис.

Один — один.

Хотя в нормальном мире за такую «проверочку» я бы отправила в бан.

— А свет ты зачем погасил? — возмутилась я.

— Потому что бой с Тварями кончился! — хмыкнул Борис. — Чувствуешь? Пол больше не дрожит. Генераторы сейчас заработают. Так зачем бензин в зажигалке зря тратить! Ты хоть представляешь, с каким трудом я его тут добываю? Приходится кафедре Межпространства бухгалтерию вне очереди вести, чтобы они для меня потихоньку магзины Zippo обносили...

И действительно: не успел Бор договорить, как вокруг нас вдруг вспыхнули лампы.

От неожиданности я зашипела и зажмурилась, а когда открыла глаза вновь, Борис уже живописно раскинулся в позе эдакого расслабленного курортника: полулёжа, закинув руки за голову и разбросав ноги по сторонам.

Кстати, его одежду я разглядела, несмотря на темноту, достаточно точно: бордовая замшевая жилетка, рубаха с завязками, кожаные штаны, на запястьях — браслеты. Всё выдержано в тёплых коричнево-мускатных тонах. На указательном пальце — толстое бронзовое кольцо. Борис явно и не пытается выглядеть серьёзным дядькой-финансистом. А вот «своим парнем» — старается, да. Стиль бохо в голову ударил, и всё такое. Отрывается клерк на чужбине вне рамок дресс-кода. Детский сад, штаны на лямках.

...Я поняла, что мой внутренний диалог становится злее.

И причина этому была простой:

— Получается, на самом деле ты не знаешь способа освободить меня раньше июня?

Борис тяжело вздохнул.

Хранилище, в котором мы сидели, при свете оказалось абсолютно пустым помещением примерно три на три метра. (Потом мне расскажут, что так выглядят все комнаты Второй Защиты — это что-то вроде местных бомбоубежищ.) Вздох Отченаша запрыгал по стенам, порождая причудливое многосоставное эхо.

— Как разорвать вашу магическую связь, я не знаю. Но! Попробуй вести себя как чокнутая дура, — пожал плечами Бор. — Визжи, верещи, перемажься грязью, кусай его и все такое. Артур, конечно, хладнокровный тип, но и он не железный. Тонкая, в сущности, натура.

Я с сомнением вскинула бровь, Борис развел руками и продолжил:

— Думаю, в этом случае он сам отречётся от тебя и постарается не приближаться! Если бы мне какая-то долбанутая иномирянка ночью попробовала оттяпать большой палец или что похуже, то я бы точно послал экзамены и всё прочее на хрен ради собственного здоровья, — здраво рассудил Бор.

Я скривилась.

— Нет, если что, переспать мы с тобой тоже можем, я же не против! — встрепенулся землянин. — И, думаю, это тоже подействует, особенно если проделать это прямо в спальне Эдинброга. «Я твой дом труба шатал» — кому такое понравится? Но тактику ты сама выбирай.

Не успела я обдумать карьеру Опасной Безумицы, как дверь в хранилище со страшным скрипом распахнулась.

На пороге стояли Артур и мастер Говерик, оба слегка потрёпанные, будто присыпанные пеплом.

Ну с ума сойти. Они что, всегда ходят парой?

— Что, снова все выжили? — нарочито развязно зевнул Борис.

— А ты что тут делаешь? — замер Артур, раздвигая ноздри.

— Чаи гоняю, с фамилльярчиком твоим знакомлюсь, — ослабилась землянин. — Что это ты такой щедрый — сам мне цыпочку привёл, а? Спасибо за подарок, Эдинброг.

И, подмигнув, финансист послал мне воздушный поцелуй. Звонкий, тот тоже запрыгал по всему помещению...

Артур вдруг побелел.

Кровь отхлынула с его лица, и без того всё ещё бледного после нападения, и, не успев мастер Говерик ничего сказать своему студенту, как тот рванул вперёд.

Но не к Борису, а ко мне. Артур быстро опустился рядом со мной на корточки, резко втянул носом воздух возле моего уха, а потом спросил, глаза в глаза:

— Он тебя трогал?

— Нет, — опешила я.

— Тебя никто не будет осуждать за это. Просто скажи, он тебя трогал?

— Да нет же! — совсем растерялась я.

На этот раз встречу с глазами Артура Эдинброга я пережила весьма достойно, даже не оцепенев от их вселенской красоты. Возможно, этому поспособствовало ещё и то, что взгляд у студента сейчас был просто *бешеный*. Столько ярости я не видела ещё никогда.

Это же до какой мне стадии безумия надо доизображаться, чтобы его перещеголять?

— Хорошо, — сказал Ван Хофф Нервный и встал на ноги, снова стремительно превращаясь в ледышку. Потом он протянул мне руку: подъём.

Я обратила внимание, что, в отличие от Бориса, мой условный «хозяин» носил одежду холодных тонов: синий, изумрудно-зелёный, серый. И, да, она выглядит, как мечта перфекциониста. Отглаженная рубашка (правда, весьма припыленная после боя). Идеально завязанный галстук. На жилете выделяется герб-нашивка, который я наконец смогла рассмотреть. Видимо, это был символ университета Форван: бирюзовый четырёхлист-

ный клевер, вписанный в серебряную шипастую звезду странной формы, весь увитый лентами с кучей непонятных слов и символов.

Я проигнорировала ладонь Артура и поднялась сама. Тот недовольно поджал губы, но промолчал. А затем сказал:

— Наверное, ты устала и хочешь переодеться. Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь жить.

— Долго и счастливо, я надеюсь? – пробормотала я.

— Нет. До конца июня.

Я вдруг почувствовала, что и впрямь чудовищно устала. Вообще плевать, что будет дальше. Просто хочется поспать. И в душ. Видимо, весь адреналин выветрился.

Разобраться, что тут происходит, буду завтра, с новыми силами. Может, на свежую голову это лучше получится.

Или, возможно, это и вовсе окажется сном. Предположим, что в последние дни я просто слишком увлеклась работой над онлайн-уроком о Босхе, и теперь мне снится всякая чужь. Уже хорошо, что не голые люди, пляшущие с маракасами наперевес внутри совы, как в «Саду земных наслаждений».

На прощание махнув Борису, я поплелась за Артуром к выходу. Бор вернул мне жест. Мастер Говерик снова шарахнулся от меня, как от прокажённой, но уже не так далеко, как утром, не на противоположную сторону комнаты. Привыкает, похоже.

У порога Артур обернулся. Тонкая неприятная улыбка плясала на его губах:

— Тронешь моего фамильяра – заживо закопаю, ясно? – очень тихо пообещал он Борису.
Тот отвернулся и промолчал.



8 ВАШ ВОЛЬЕР, МИСС ВИОЛЕТТА

Вслед за Артуром я шагала по гулким коридорам университета.

Судя по всему, здание было старым – *настоящему* старым. Каменные стены потемнели, истёрлись и приобрели нежелательную для готики мягкость форм. У многих ангелов, стоящих в глубоких нишах, виднелись сколы на носгах и пальцах.

А ещё у половины из них имелась примечательная особенность... Я остановилась, чтобы рассмотреть одну из этих скульптур подробнее.

— Что? – тотчас же оглянулся Эдинброг.

Он шествовал примерно в метре передо мной, прямой и молчаливый, и я, признаться, уже думала, что он обо мне забыл. Но нет, смотрите-ка. На страже имущества.

— Ваши ангелы. Они улыбаются, – задумчиво протянула я.

Это действительно было так: скульптура стояла, наклонив голову набок, кокетливо расправив крылья, приподняв руку в благословении и растянув губы весёлой скобкой.

Она жутко напоминала «Улыбку Реймса» – фигуру с Реймского собора, которая была покалече-

на в годы Первой мировой войны, получив строительной балкой по макушке.

Тот прискорбный факт, что статуя лишилась головы, в итоге пошёл ей на пользу: голову отрезаврировали, и ангел вдруг стал знаменит, сначала как символ антифашистской пропаганды, а потом — просто сам по себе.

Потому что теперь не только учёные, но и общественность пригляделись к нему и поняли: чёрт, да он улыбается! Да ещё и так озорно!..

Тогда как нормальным средневековым ангелам *не пристало радоваться*. Чай, не в сказке живут. У нас на земле таких улыбчивых можно чуть ли не по пальцам рук сосчитать. В Средневековье это были первые робкие ростки возрожденческого гуманизма.

А тут — целый ряд улыбак в одном-единственном университете. Интересно у них развивался мир, наверное. Похож на наш, да не совсем.

Я рассказала Артуру о Реймсе.

Эдинброк выслушал мое объяснение с неожиданно цепким любопытством. Потом подошёл и встал рядом, тоже смотря на скульптуру. Потом растерянно хмыкнул.

— Что? — на сей раз спросила я.

— Я живу в Форване уже пять лет, но никогда не замечал, что они улыбаются, — сказал он. — Ужас какой. Ты весьма наблюдательна. Ты сама скульптор? Там, у себя?

— Нет. Я преподаю историю искусств.

— Но почему не скульптор? Разве создавать своё не интереснее, чем описывать чужое?

— Всё интересно по-своему, — деликатно возразила я. — Я умею и рисовать, и работать с гли-

ной и мрамором, но в целом мне познание ближе, чем созидание. Во всяком случае, сейчас... Тебе тоже, наверное? Раз ты лучший студент и всё такое.

Артур почему-то неожиданно помрачнел... Потом неопределённо пожал плечом и ещё раз скользнул взглядом по ангелу:

– Это важная деталь – про улыбки. Спасибо. Учту её.

– Ух ты, ты умеешь говорить «спасибо»?

– Случайно вырвалось, – он вновь натянул свою равнодушную маску. – Идём дальше.

* * *

Вскоре мы оказались в спальном крыле Форвана. Здесь было поуютнее: пушистые ковры, вытертые в центре усердно топчущимися студентами; разноцветные гобелены на стенах; на лампах – абажуры, придающие их свету тёплый оранжевый оттенок.

Я вдруг поняла, что все, кого нам довелось встретить по пути, – мужского пола. Причём смотрели они на меня очень удивлённо, некоторые и вовсе застывали столбами. Чей-то фамильяр – огромный чёрный пёс – тихо зарычал при моём появлении.

Я спросила Артура о причине подобной гендерной ситуации. Артур сказал, что мы в мужском флигеле. Я спросила, с какой это радости мы в мужском флигеле, если я очевидно девушка. Артур сказал, что я заблуждаюсь: с юридической точки зрения я фамильяр.

— А фамильяры живут со своими хозяевами.

Я встала как вкопанная.

— Я не собираюсь с тобой спать.

Парочка мимо проходящих студентов сдавленно хихикнула в рукава.

— У тебя будет своё место. Не переживай, — отрезал Артур.

— Приготовленное с расчётом на тигра? Что это? Коврик? Пуфик?

— Вольер.

— Вольер?! — Я задохнулась. — Ты издеваешься? О нет, пожалуйста, скажи мне, что ты издеваешься!..

Эдинброг посмотрел на меня взглядом задолбанного в край человека. И молча открыл дверь в спальню, к которой мы уже успели прийти.

Чёрт, там действительно был вольер.

Чёрт.

ХТЫЩ! 9

Впрочем, им комната не ограничивалась.

Спальня Артура оказалась неприлично, невероятно большой. Здесь приятно пахло дубом и сандалом. Стены были обшиты деревом, потолок украшала синяя геометрическая роспись. Два больших арочных окна зашторены, кровать — скрыта под тёмно-зелёным балдахином. Кроме всей этой роскоши, ещё в комнате расположились пузатый комод, трюмо, массивный стол и хрустальный шар на подставке.

Мало какой из земных университетов может похвастаться такими спальнями для студентов.

В комнате было ещё две двери. На одной красовалась латунная табличка с изображением ванны. Табличка со второй двери была сорвана — только и остались две неаккуратные дырки.

Артур заметил мой интерес и тотчас встал так, что закрыл мне обзор на эту дверь:

— Это моя территория. Тебе запрещено туда заходить, — ледяным тоном оповестил он.

Взгляд при этих словах у него стал такой, что сразу понятно — парень готовился в дрессировщики.

— Хтыщ! — сказала я, имитируя звук хлыста. А потом фыркнула и отвернулась.

Передо мной снова воссияла неизбежная *она*.

Клетка.

Огромная. Под неё выделили добрую треть покоев. Железные прутья чуть светятся — тоже магия? Внутри — какая-то непонятная фигня типа матраса с бортиками, ассортимент мисочек и гора мячиков. Большие котики тоже любят играть.

— Ну что ж... Капец! — заключила я по итогу осмотра. Потом решительно направилась обратно в коридор: — Я тогда в лазарете посплю, спасибо.

— Ты не можешь, — Артур покачал головой.

— Ещё как могу.

— Ты не переживёшь эту ночь, если меня не будет рядом.

Моя рука застыла на дверной ручке.

— Почему?

— Таковы последствия ритуала.

— О'кей, — флегматично отозвалась я. — Тогда вместе идём в лазарет, на соседние койки.

— Тоже не вариант, — Артур туго сплёл руки на груди. — Сегодня ночью тебя ждёт что-то вроде ломки. Адаптации. Та моя сила, что уже находится в тебе, пробудится и потребует выхода. Ты будешь как лунатик: сознание спит, а тело действует. До утра я должен быть рядом и... — он нахмурился. — И *подпитывать* тебя. Мы называем это правом первой ночи.

Я аж поперхнулась от такого названия.

— Это единственный случай, когда фамильяр получает доступ к хозяйской магии, а не наоборот. Маленькое лакомство для зверя. Обычно животные просто спят и во сне бессистемно рассылают вокруг энергетические волны, а хозяин сидит рядом и даёт им силу на эту блажь. Если не даст — животное истощит само себя... Поэтому первую ночь фамильяры проводят в защищённых магических вольерах. А хозяйева охраняют их снаружи.

— То есть сегодня я буду спать и что-то там колдовать, а ты будешь на меня пялиться?

— Конечно. И дарить тебе свою силу, — поморщился он.

Я помолчала. Потом со вздохом потёрла глаза.

— Так, Артур, а напомни, почему мы не можем разорвать нашу связь немедленно? Кажется, мы так и не дошли до этого принципиально важного вопроса в наших беседах?

— Не дошли. Разорвать связь мага и фамильяра может либо гибель фамильяра, либо — одно-единственное существо, которое живёт *очень* далеко от университета. Не меньше полутора месяцев пути в одну сторону. По опасной заброшенной местно-

сти, без дорог и селений. И никаких телепортов, естественно.

Я издала нечленораздельный печальный звук, мгновенно представив все прелести похода в подобных условиях.

– Но, – продолжил Ван Хофф Рассудительный, – это существо само прибудет в Форван после того, как закончатся экзамены. Поэтому дожидаться его здесь – самый простой вариант. Вот и всё. Поэтому и конец июня. Завтра мы с тобой ещё обсудим детали нашего сотрудничества, но сегодняшнюю ночь тебе в любом случае придётся пережить. И да, если ты думаешь, что я в восторге от нашей ситуации, ты глубоко заблуждаешься.

На время своего монолога Артур взял со стойки тот хрустальный шар и зачем-то демонстративно крутил его в руках.

– Зачем ты его держишь? – вот что было первым моим вопросом в итоге.

Артур изогнул бровь:

– Это детектор лжи. Чтобы ты убедилась, что я говорю правду. У вас что, таких нет?

– *Таких* нет.

– Он бы помутнел, соври я. Лови!

Эдинброг кинул шар в меня. Я кое-как поймала его и дотошно проверила, высказав по очереди несколько разнообразных лживых и правдивых фраз. Всё было честно. Шар мутнел и светлел обратно.

Итак, Артур говорил правду. Значит, план Бориса с Чокнутой Землянкой не прокатит: какой смысл изображать юродивую, если так и так при-

дётся ждать какое-то время?.. Уж лучше пребывать в адеквате.

Пусть и в клетке...

Я снова оглянулась на вольер, застонала и тихонечко, профилактически попробовала побиться головой об стену. Артур жёстко пресёк сие, оттащив меня от дорогой дубовой обшивки. Беспокоился он явно за неё, а не за мою черепашку.

Потом Эдинброг пальцем указал на одну из двух внутренних дверей.

— Там ванная. Иди туда. Можешь торчать там сколько угодно, но не меньше получаса.

— М-м-м. Не *меньше*?...

— Именно. Молодец. Твой слух в порядке.

— А твоя вежливость — нет. Почему это «не меньше»? Иначе я помешаю твоему драгоценному отдыху? Или что? — вскинулась я.

Он сузил глаза:

— Я планировал, что за это время слуги успеют поменять тигриную подстилку на нормальную постель. И принести тебе женскую одежду. И еду. И...

Он перечислил ещё какие-то мелочи. Мои брови удивлённо поползли вверх. О. Я погорячилась с отрицательными оценками.

— ...Но я отменю эти хлопоты, раз тебя устраивает нынешний уровень комфорта, — жёстко завершил Артур и недвусмысленно потянулся к колокольчику на стене.

— Нет! — Я быстро перехватила его за руку и крепко сжала её. — Пусть улучшают! Я только «за».

Студент внимательно посмотрел на мои бледные пальцы, стиснувшие его запястье. Выдержал паузу и... больно щёлкнул по ним. Так сгоняют муху.

— Пусть улучшают, — повторил он, соглашаясь, и вроде как даже улыбнулся уголком рта. Впервые за день.

Но мне стало вдруг так обидно от этого щелчка, что я лишь поджала губы, отступила в ванную и с грохотом захлопнула за собой дверь.



10 ЗА ТУЧЕВОЙ ДВЕРЬЮ

В ванной я позволила себе оторваться по полной программе.

Комната была отличная, на уровне отелей Four Seasons: длинная мраморная тумба с раковиной, отдельно стоящая купальня, панорамное окно, этажерка с пушистыми полотенцами и зеркало во всю стену. Даже фикус в горшке стоял.

Для меня стало огромной радостью то, что в мире Гало обнаружилось нормальное водоснабжение. Пожалуй, в списке моих приоритетов по уровню комфорта именно оно стоит на первом месте.

А так... Хм. Если найти способ *не* быть на роли животного... И не вляпываться в бои с Тварями... И отправить на землю пару писем с необходимыми объяснениями — раз уж у них здесь есть кафедра Межпространства: эдакие маги-добыватели, мелкое колдунское ворьё... То, может, я и не против провести тут несколько недель до конца июня?

Попаданство как отпуск? Необычно, рискованно, но приятно.

Пока наполнялась ванна, я подошла к окну и отдёрнула шторы. И ахнула. Мир снаружи ока-

зался *великолепен*. Уже наступил поздний вечер, закат давно догорел, но небо над Форваном было полно звёзд, столь ярких, что даже диджитал-художники обычно стесняются рисовать их такими сочными. Незнакомые созвездия белели в синем бархате ночи, между ними элегантно вувалью плыла лёгкая дымка — как у нас вдоль Млечного Пути. Лун имелось целых три штуки: одна большая и две маленькие, катящиеся следом за ней, как дети за матерью.

Вдалеке частоколом поднялись горы. Их тёмные громады накальвали небеса скрежещущими пиками. Ещё ниже — загадочные массивы притихшего леса с редкими огоньками селений. А прямо под окном — территория кампуса.

Лужайки и фонтаны, подсвеченные искрящимися фонарями. Тёмные силуэты шепчущихся студентов. Архитектура — бесконечное торжество готики: главное здание было огромным, как пять Нотр-Дамов, и щедро изобиловало контрфорсами. Я стояла на каком-то из верхних этажей, не ниже десятого — надо же... Вокруг возвышались ещё постройки. Все они, даже оранжереи, были выдержаны всё в том же пламенеющем стиле, и все — строгого белого цвета.

Иглы, иглы, иглы.

Птицам падать тут противопоказано — нашьплются в секунду.

— *«Я всегда твердил, что судьба — игра. Что зачем нам рыба, раз есть икра. Что готический стиль победит как школа, как возможность торчать, избежав укола»*... — пробормотала я. — И это вы, Иосиф Александрович, тут не бывали!.. Вам бы понравилось.

Наплевав на приватность и оставив окно открытым нараспашку, я долго принимала ванну.

А когда вышла в спальню, там никого не было. Ни Артура, ни слуг (хотя кровать, еда и одежда в вольтере уже появились. И даже шторы, ну надо же).

Я быстро сменила уже надоевшую ночнушку на комплект одежды из стопки. Он был сшит в таком же стиле преппи, какой носили все студенты Форвана: юбка в клетку, рубашка с острым воротником и шерстяная жилетка, в нагрудный карман которой так и хотелось зачихнуть какие-нибудь изящные часы на цепочке.

Какое-то время я без особого интереса ковырялась в тарелке с едой, а затем пала жертвой реверсивной психологии... То есть, *конечно же*, сунулась в дверь без таблички, за которую мне запретили заглядывать.

* * *

Открыв ее, я в первый момент отшатнулась.

За дверью была какая-то жуть.

А именно: стоящая вертикально тёмно-серая вихрящаяся масса, мясистая туча, да ещё и разрываемая молниями в придачу. Внутри её что-то грохотало.

— Оу, — сказала я. А потом: — *Аааааааааааааааааааааааааааааааааа!!!*

Потому что, конечно же, не будучи самоубийцей, я не пыталась шагнуть вперёд, не дергалась и даже не шевелилась. Но долбаная туча вдруг закрутилась водоворотом и буквально вырвала меня из спальни, втянув в себя.

Какое-то время я летела в неизвестном направлении, визжа и размахивая руками. Но через

несколько секунд водоворот сюрреалистично выплюнул меня на пол в прежней позе: я вновь стояла у открытой двери, а туча благообразно перекатывалась за ней.

Открывшаяся передо мной комната была *другой*. Не спальней Артура, а скорее кабинетом сумасшедшего учёного.

На стенах висели карты и схемы, рисунки на которых светились и перемещались, как им угодно. Раскрытые книги на полках листались сами по себе, таинственно шелестя страницами, а одна из них, внезапно решив сменить шкаф, стремительно взлетела и чуть не стукнула меня по голове. Я еле увернулась. На огромном и тяжелом рабочем столе был бардак из бумаг, посреди него булькали какие-то алхимические, судя по виду, установки. Реторты, перегонные кубы, колбы и пробирки... Там же — множество измерительных инструментов и — внезапно — лютюня; парадоксальный комплект, будто сошедший с картины «Послы» Гольбейна Младшего.

Хорошо хоть, искажённому черепу, как на знаменитом немецком полотне, здесь не было.

Мой взгляд упал на фотографию в рамочке, стоящую на углу стола. Значит, и некие конкуренты «Никона», «Кодака» и прочих в мире Гало имеются.

Люди на снимке двигались в лучших традициях вселенной «Гарри Поттера»: махали мне руками и всячески привлекали внимание. Заинтригованная, я подошла поближе и взяла рамку в руки.

На фотографии были изображены трое.

Они стояли на лужайке перед главным зданием Форвана и казались до неприличия счастливыми. В центре кадра находился Артур Ван Хофф Эдин-

брок — он широко, искренне улыбался, чуть вскинув подбородок. В глазах мага плясали шальные искорки, очень неожиданные, а тёмные волосы раздолбайски и бодро торчали во все стороны — видимо, когда-то Артур и не пытался их приглаживать (пусть даже безуспешно). Одной рукой парень махал в камеру, другой — крепко, по-хозяйски обнимал за талию какую-то блондинку.

Судя по одежде, она тоже была студенткой. Девица стояла в профиль, прижавшись к магу своими внушительными формами и эдак «романтически» согнув ногу в колене (понятия не имею, как это правильно называется, но я постоянно вижу такую позу на фотографиях. Дамы в интернете именуют её «ножкой эть»). Незнакомка целовала Эдинброга в щёку, или, скорее даже, в уголок улыбающегося рта. Из-за того, что кадр был «живой», она повторяла это снова и снова. И снова.

И снова.

Чмок!

Сфотографированный Артур явственно млеет и балдел, заливаясь лёгким румянцем.

А вот третий человек в кадре... Он стоял справа от Эдинброга и покровительственно-дружески трепал мага за плечо.

И у него не было головы.

Точнее, как: она, конечно, подразумевалась, но кто-то буквально вымарал её перьевой ручкой. Исчеркал намертво, с яростью, чуть ли не продырявив фотографию. Штрихи были резкие, злые, размашистые.

Однако отсутствие головы не мешало мужчине в знакомом бордовом жилете энергично топтать

ся на месте и озорно чиркать зажигалкой «Зиппо» в свободной руке.

Это совершенно точно был Борис Отченаш.

Приплыли. Получается, раньше Артур и Борис дружили? А эта блондинка, видимо, встречалась с Артуром?

Мне вспомнились слова землянина: *«Они не могут смириться с тем, как быстро и решительно я увожу их девушек».*

Если предположить очевидное — что Борис отбил подругу Эдинброга, вследствие чего они рассорились, — то остаётся вопрос: почему Артур не выбросил фотографию, а изуродовал её, но всё равно хранит на своём рабочем столе?

Разве что у него больше нет кадров с этой блондиночкой... Куда же она делась?

Чмок. Чмок. Чмок. Девушка между тем продолжала целовать Эдинброга.

Меня это раздражало, и я, бросив осуждающий взгляд на её возмутительно короткую юбку (о да, ханжа во мне просыпается каждый раз, когда я завидую чьей-то раскрепощённости), поставила фотографию обратно.

Побродив ещё немного по фантастическому кабинету, но на всякий случай ничего не трогая, шагнула обратно к Тучевой Двери.

Та всосала меня, как родную.

* * *

Когда Артур какое-то время спустя вернулся в спальню, я, как послушная девочка, лежала в кровати в вольере. Закрыв глаза, укутавшись в одеяло,

будто сплю. Я не хотела, чтобы маг понял, что я была в той комнате. И видела тот кадр.

От фотографии веяло какой-то грязной историей, и я сомневалась, что Эдинброг будет рад моему о ней знанию.

Артур ещё долго ходил по комнате, мрачно меряя её шагами. Я подглядывала. Переодеваться он ушёл в ванную. Вернулся в элегантной полосатой пижаме с отглаженными лацканами. Из-под полуприкрытых век я наблюдала, как он сел у моего вольера спиной ко мне и затылком прижался к сияющей решётке. Приготовился сторожить, вестимо.

— Фамильяр, ты спишь? — спросил он тоном строгого ректора, и я еле сдержалась, чтобы не отгрызнуться: «У меня имя есть вообще-то!»

— Что ж, — не дождавшись ответа, пробормотал Эдинброг. — Посмотрим, насколько твоё подсознание изошрённей, чем у стандартного зверя.

И щелчком пальцев погасил свет. Магическая клетка вокруг меня загорелась красным цветом.

Так началась моя первая ночь в Форване.



11 ВНЕЗАПНОЕ УТРО, ВНЕЗАПНЫЙ ДЕНЬ

Похоже, у меня обнаружился талант к тому, чтобы быть лунатиком.

Я отключилась очень быстро, хотя думала, что вообще не смогу уснуть. Я и дома-то страдаю бессонницей: невролог честно прописывает мне та-

блетки, а уж здесь, в другом мире, в клетке, в предчувствии загадочной «ломки»... Ничего не предвещало крепкого сна.

Тем не менее именно он со мной и случился. Мой организм послал всё далеко и надолго и, презрев глобальную невозможность минувших суток, вышел в Полный Покой.

Когда я поняла, что просыпаюсь, то, не спеша окончательно выныривать из царства Морфея, попробовала сладко потянуться... И замерла.

Кто-то обнимал меня. Очень крепко. И — хуже того — я отвечала полной взаимностью. И вообще: вот это твёрдое под моей щекой — это не подушка, а мужская грудь.

Я испуганно открыла глаза и узрела полосатую пижаму Артура. Что называется, в максимальном приближении. От неё приятно пахло свежестиранной тканью и тонко — вербеной. Видимо, местный аналог кондиционера оставил свой след.

Твою ж налево!!

Моё копошение не прошло незамеченным.

— Проснулась? — холодно осведомились откуда-то сверху. И рукой провели по моему затылку. Я бы даже сказала «погладили», но человек глядящий обычно не говорит таким тоном.

— Почему мы обнимаемся? — охнула я, откатившись в сторону, запутавшись в одеяле и закономерно рухнув с постели на пол.

На полу было не так уж и плохо. Я решила полежать там до выяснения обстоятельств.

Артур зевнул и сел, чуть не поставив ноги прямо на меня. Он выглядел ещё более растрёпанным, чем вчера. Под глазами синяки, в глазах — неугаси-

мый огонь аристократизма. Эдинброк казался совершенно вымотанным.

— Мне пришлось зайти в клетку и лечь с тобой, потому что ты оказалась непредсказуемо ненасытной девицей, — равнодушно объяснил маг. — А так я одновременно успокаивал тебя и мог передавать энергию напрямую. Это позволило уменьшить мой энергический расход и не угробить нас обоим. Так что я бы на твоём месте сказал «спасибо».

— Передавать энергию «напрямую» — это как? — напряглась я, исподволь ощупывая свое тело на предмет... ну не знаю. Каких-нибудь следов. — Насколько, блин, напрямую?!

— Через касание, — презрительно фыркнул Артур. — Мы знакомы меньше суток, но я уже впечатлён степенью твоей сексуальной озабоченности. Все земляне такие?

— В подобных обстоятельствах — большинство. А почему ты сказал, что я «ненасытная»?

— А ты оглянись, — нежно посоветовал он.

Я так и сделала. Й-о-о-о-охан Штраус...

Комната выглядела так, будто в ней долго и упорно отжигал пьяный полтергейст, празднующий ошеломительные кассовые сборы фильма с его участием. Всё было сдвинуто с мест, порушено и перекошено.

— Да-да, это сделала ты, фамильяр. Вопреки магической решётке. И это ещё полбеда... — лениво протянул Эдинброк, услышав мой сдавленный писк удивления. — Потом, как видишь, твоё подсознание увлеклось украшательством.

И впрямь: потолок был перекрашен в стиле полотен Боттичелли, круглые светильники на стенах